

Топос *дом* в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного

Е.С. БАЛАШОВА

В статье анализируется топос *дом* на примере романа Кузьмы Чорного «Поиски будущего». Топос *дом* является важным элементом в процессе изучения белорусской национальной культуры, самоопределения белорусов. Образ дома полисемичен, он отражает важные перемены в жизни белорусского народа.

Ключевые слова: топос *дом*, антидом, бездомность, утрата дома, окно, порог, дорога, родина.

The article analyzes the topos *house* using the example of Kuzma Chorny's novel «Search for the Future». The topos *house* is an important element in the process of studying the Belarusian national culture, self-determination of Belarusians. The image of the house is polysemic, it reflects important changes in the life of the Belarusian people.

Keywords: topos *house*, antihouse, homelessness, loss of home, window, threshold, road, homeland.

Творчество Кузьмы Чорного представляет собой активный процесс изучения белорусского народа. Каждое его произведение является составной частью к циклу одного крупного и масштабного творения, в котором прошлое и настоящее белорусской нации становится основной темой дискуссии о человеке и человечестве.

Современная белорусская проза широко освещает проблемы мирового и общечеловеческого масштаба, при этом сохраняя национальную специфику. Кузьма Чорный предстал в числе первых белорусских писателей, который способствовал плавному преобразованию белорусской прозы из отдельных лирических и бытовых рассказов в многообразную по стилям, разножанровую и многогранную.

Дом представляет собой один из показательных и многозначных топосов в белорусской литературе. Одной из причин обращения белорусских авторов к топосу *дом* является стремление к сохранению национального своеобразия. Смысловая структура дом расширена многообразным пониманием и метафорическим осмыслением.

В романе «Поиски будущего» Кузьма Чорный показывает не только внутренние глубины психологии личности человека, но и глубины познания жизни. В своих произведениях он демонстрирует непростую жизнь белоруса-труженика, его душевное богатство, чуткую и трепетную душу. Дом из материального сооружения трансформируется в культурно-символический объект, раскрывая разнообразные внепространственные значения.

Ю.М. Лотман считает, что «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь» [1, с. 2]. Дом представляет собой один из ключевых ориентиров в жизни человека. По внутреннему обустройству белорусский дом является достаточно сложным объектом пространства. Дом для человека является отражением его мировосприятия и его вторым «я». Н.А. Тучкова пишет: «Дом – это очень близкое к человеку пространство, фактически не делимое от него самого» [2, с. 8].

В романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного дом представляет собой объект, который можно интерпретировать не только как здание, сооружение, но и осмыслить его символически.

Архитектурная структура дома разделяет мир на открытый и закрытый. Дверь, окна, порог служат одним из важных элементов дома, которые носят символическое и фольклорное значение. Чужой и враждебный мир начинается за порогом, окном и дверью. Границей внутреннего мира человека является граница его дома. Т.В. Цивьян утверждает: «Дом – не столько описание жилища, сколько центр своего мира, замкнутое, защищающее пространство, обеспечивающее при этом выход во вне и контакты с внешним миром» [3, с. 10].

Метафора «окна – глаза дома» аллегорически говорит об одушевлении дома. Через окно как границу дома можно одновременно воспринимать мир единым, смотря на жилище как снаружи, так и изнутри. В романе «Поиски будущего» в окне Олечки, когда она ждала Кастуса, было видно, как горит огонь в её хате, указывая на место, в котором ему рады и ждут: «Каля аднаго акна ў Вольчынай хаце гарэў агонь» [4, с. 190]. В тоже время окно в доме может быть и заколочено, как в старой хате Невады, обозначая предзнаменование, наступление новой жизни, завершение прошлого: «Гэта была яго старая хата. Ужо многа год яна пустава-ла з забітымі дошкамі вокнамі, але не дзвярыма» [4, с. 301]. Жизнь в доме остановилась, с заколоченными окнами в доме человеку тревожно находиться. Окно – это связь между внутренним и внешним миром, в котором теплится надежда на завтрашний день, а когда нет света в доме, то нет и уюта. Окно Невада использует как дверь, оторвав доски: «Ён ададраў дошкі ад куткаваго акна ў двары, улез праз акно ў хату і адчыніў сенцы. Паліцы на сценах, жорны ў кутку, старасавецкая засаўка пры вушаку, лескі на гару, вешала ўздоўж сцяны, шчылістыя дзверы ў клець і акенца без шкла, прапілованае ў адным бервяне, – усё захавалася ў гэтых сенцах, як было дваццаць год таму, і нават больш, тады, калі яго Волечка была малая і адна жыла тут, калі ён быў на вайне» [4, с. 301]. Окно и дверь имеют одинаковую функцию – открывать и закрывать, быть проводниками в смежное пространство. В старом доме Невады запечатлено и сохранено прошлое, которое было и грустное, и счастливое, но без семьи в хате не может продолжаться существование. Дом и семья образуют один смысловой образ, который невозможно разъединить. Кастусь Лукашевич, охраняя свою семью от захватчиков, советовал не снимать доски с окон, чтобы не было видно, что в доме прячутся люди: «Вам лепш сядзець у старой хаце, нават ад вуліцы і дошчак з вокан не знімайце» [4, с. 305]. Дом без окон кажется безжизненным и мёртвым, напоминающим гроб. Старый дом, в котором спряталась семья Лукашевич, символизировал уже не жизнь, а место, которое может стать последним для всей семьи: «З траіх адна Ліза не заўважала, што гэтая старая хата стала над жыццём, як помнік над магілаю» [4, с. 305]. Кузьма Чорный стремится отразить связь между внешним миром и психологическим состоянием героев. На образе Лизы Лукашевич автор делает акцент, показывая контрастность человеческих ощущений, различное восприятие реальности даже в одной семье. Безопасное место – дом – уже не может быть объектом защиты, если вокруг смерть, страх и борьба за выживание в условиях войны.

После убийства Поливодского Люцианом Околовичем убийца выскочил во двор через окно: «Акаловіч пераскочыў цераз яго і рынуўся ў акно, але адразу ўзаскочыць на падаконнік не мог, а паспеў яшчэ прыткнуць да сцяны крэсла і тады ўжо кінуцца на двор» [4, с. 350]. Выход через окно представляется многовариантным будущим, возможно, Люциан Околович даже мог бы избежать смерти. Невада также выбирается через окно, потому что путь через дверь закрыт – за ней немцы: «Ён шпарка апынуўся на акне і, трымаючыся за падаконнік, гупнуў нагамі на зямлю» [4, с. 350]. Двое героев, выйдя через одно окно, заканчивают свою жизнь совершенно противоположно.

Порог в доме считается переходным местом, через которое происходит взаимодействие своего с чужим. Олечка ощущала всё, что происходит в её доме даже во время сна, и чувствовала, что Кастусь переступает порог её дома: «Волечка ўсхапілася, як бы электрычны ток працяў яе сонную, калі толькі яе госць увайшоў у хату» [4, с. 190].

Во время боевых действий, зайдя во двор дома, Невада увидел сначала мертвеца: «...на перагрэбенай курамі зямлі, пад запыленым вішняком, ляжаў незнаёмы яму чалавек, і як бы нават нежывы» [4, с. 298–299]. А потом, подойдя к самому дому, Невада на пороге увидел поистине мистическую картину: «Свіронак быў адчынены, і на парозе яго спакойна сядзеў пацук і шморгаў прыэднай лапаю сабе па носе. Хвост яго звісаў з парога на самы ганак. Верабей напамілы бог крычаў перад ганкам і дабіваўся таго, каб пацук ачысціў яму дарогу ў свіран» [4, с. 299]. Крыса имеет противоречивый образ, объединяя в себе разрушение и способность к выживанию в самых сложных условиях. В романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного крыса становится антиподом уюта, семьи, чистоты, который может перейти через порог дома и принести разрушение порядку дома. Животные завладели жильём людей, показывая безжизненное состояние двора и хаты, забрав у людей самое ценное и дорогое – дом.

Дом в понимании человека не очерчивается только жилой постройкой, а его территория продолжается во дворе и в саду. В. Лобач пишет, что «...уся сукупнасць пабудоў, што кампануюць вясковую сядзібу, іх прасторавыя, утылітарныя і сімвалічныя суадносіны і выяўляюць не толькі цэнтральны статус уласна дома, але і светапоглядную стратэгію суадносіт чалавека з вонкавым светам» [5, с. 266]. В доме, в котором жила Лиза Лукашевич, дочь Кастуся Лукашевича, расположились полицаи: «...брама таго дома, дзе яна радзілася і вырасла, адчынена і ў двары там поўна людзей, і ніводнага знаёмага твару. Сэрца яе заныла: там, перад вокнамі, на круглай градцы, раслі два кусты ружовага кракосу, якія яна садзіла і палівала. Больш яна ўжо не падыдзе да іх» [4, с. 306]. Клумба теряет своё пространственное значение, приобретая смысл смерти, горя и потери связи с предками. Дом совместно со двором уже не является хранилищем жизненных моментов и воспоминаний, а приносит трагическое противоречие в душу любящих хозяев этого жилища. Розовые крокусы под окном, деревья во дворе и кусты шиповника рядом с домом – это часть души человека, который любит свою местность, свой родной край, свою малую родину. Также, как и Невада ценил куст шиповника, который переносил его в детство, так и Лиза, его внучка, переняла заботу и обрела чувство спокойствия, благодарности к родной земле, ухаживая за растениями, которые росли под окном дома.

А.А. Плотникова и В.В. Усачёва считают: «Дом – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства славян, локус многих календарных семейных обрядов» [6, с. 117]. Культурные, духовные ценности человека, его представление о мире формируются в семье, основываясь на нравственных идеях, которые прививаются родителями в доме. Невада – яркий художественный образ, который характеризует специфику национального менталитета. Таким образом, роман «Поиски будущего» Кузьмы Чорного способствует сохранению исторической памяти белорусов.

Дом – сакральное место, которое «железный зверь» отобрал силой. Кастусь Лукашевич, который вынужден прятаться от всех, готов отказаться и от дома своего, в котором он создал семью, но подарить возможность на мирное небо для своих потомков: «Дык няхай не будзе ні дома, але ж не будзе і паліцай» [4, с. 308]. Глубина белорусской души и её чистота проявилась в этом поступке. Кастусь Лукашевич готов уничтожить свой дом ради других, принося его в жертву. Дом в качестве спасения и обретения смысла жизни ему не нужен. Кастусь Лукашевич понимает свою причастность к происходящему и не остаётся равнодушным к тем, кто его окружает. Жизнь, семья, родина и будущее важнее физического дома. Кастусь Лукашевич стал опять бездомным, как и в своей юности, когда он встретился с Олечкой. Ценность дома для него определяется значимостью человеческой жизни, важнее которой ничего нет. Бездомность представляет собой социальное явление, возникающее, когда у человека нет семьи либо дома. У Кастуся есть родина, можно ли тогда считать его бездомным? Бездомность приводит к потере индивидуальности, утрачивается связь с предками и родом. Когда Кастусь Лукашевич оказался у Олечки в доме после приезда фельдшера, при подписи акта, он о себе написал так: «...выгнанец з-пад Вілейкі» [4, с. 196]. Психологическое и эмоциональное состояние его говорило также о поиске себя в мире: «Ён страціў з-пад сваіх ног той грунт, на якім стаяў на сваёй Вілейшчыне» [4, с. 196]. В самом начале войны Кастусь Лукашевич ехал куда-то, уходя от военных действий, у него не было какого-то определённого места, где можно обосноваться: «Я на выгнанства ад вайны еду» [4, с. 198]. Обретя семью, построив дом, Кастусю теряет всё, но остаётся родина, которую никто не в состоянии завоевать и отобрать.

Причиной бездомности героев в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного является социальная катастрофа – война. Для них бездомность является отправной точкой в защите родных мест, спасении своей земли, которая досталась им от предков.

Рижский мирный договор, который был подписан между Польской республикой и РСФСР, устанавливал новую границу. Согласно ему, часть Западной Беларуси оказалась в составе Польши. Дом Сымона Ракутько оказался на границе этих двух государств, сделав его бездомным: «Ці, можа, гэта проста няшчасны чалавек тутэйшай зямлі, каля ціхай хаты якога лягла тая граніца і, як пякельная жудасць, заўсёды была перад яго бяззлюбнымі вачыма» [4, с. 255]. Хату, которая дала ему уют в сложные моменты юности, безжалостно отобрали у него, как и семью:

«Бывай, верная сяброўка! Бывайце, дзеці» [4, с. 256]. Дорога, куда вёл свою семью Сымон Ракутько, обернулась для него долгой и нескончаемой одинокой жизнью в ежедневной надежде на воссоединение. Герои Кузьмы Чорного – люди, которые сохраняют и берегут образ дома, семьи и предков. Автор на примере семьи Ракутько демонстрирует стремление и веру в возможности воссоединения и обретения не только дома, но и семейных ценностей, несмотря на то, что происходит во внешнем мире и как эти действия отражаются на судьбах героев.

Люциан Околович – один из самых противоречивых персонажей в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного, но ему досталась судьба бездомного, вечного странника, который не сможет вернуться в отцовский дом, и его злой рок – скитание по земле. Герой романа всю жизнь находится в положении скитальца, что и отражается в его душе и поступках. Люциан Околович бездомным оказывается не только в прямом социальном смысле, но и в духовном. Во время знакомства Люциан Околович поведал Сымону Ракутько о своей привязанности к месту, в котором родился «...недзе каля Бабруйска ёсць месца, якое чакае мяне» [4, с. 322], «Я любіў той фальварак пад Клецкам, але ён жа быў і маёй атрутай. Там ёсць нізкае і шырокае дрэва, клён, які ўрэзаўся ў маю душу змалку, але і ён мне здаецца нечым несапраўдным, хоць мне і цяжка ведаць, што, можа, ужо я ніколі там не буду і гэтага дрэва не ўбачу» [4, с. 322]. Жизнь Люциана Околовича Кузьма Чорный завершает убийством не случайно. Прозаик показывает, что он заслужил такую смерть всеми своими поступками, взглядами на мир и своими жизненными убеждениями. Смерть Околовича была неизбежной, она выступала как наказание за его желание служить врагам, которые пришли на белорусскую землю с целью захвата территорий. Автор карает его самым страшным для человека образом – обрекает его не быть похороненным на его родине, даже забирает шанс увидеть родительский дом: «Акаловіч са страшнай сілай адчуў непераможную прагу дацягнуцца туды, пад Клецак, і гэта ўжо рабілася яго адзінай мэтай ў жыцці» [4, с. 352]. В момент опасности и переживания за свою жизнь Люциан Околович думает о самом важном и дорогом – о своём доме, в котором он провёл детство. Место между Клецком и Несвижем, где родился и жил вместе с родителями, было неразрывно связано с детством, с мечтами о великом будущем. Люциан Околович – это человек, оторвавшийся от своих корней, позволивший разрушить и уничтожить прошлое, историю своего родительского дома. Он не способен ни сохранить, что ему досталось, ни построить новое, что называлось бы домом.

Невада, возвращаясь из плена, зашёл в старую корчму, во время разговора с хозяином, Шимхой упомянул и о родине, более широком понятии, чем дом: «Адкуль бы ты ні ішоў, то ты ідзеш у свае Сумлічы. А калі нават твая там хата і згніла дарэшты, ты ўсё роўна ідзеш дадому» [4, с. 233], «...тваё шчасце прыйшло да цябе» [4, с. 233–234]. Человек, который имеет малую родину и не вынужден искать своё место под солнцем в этом мире, является счастливым, которому завидуют те, которые остались без дома либо потеряли свой родной край: «Я табе зайздросчу» [4, с. 233], говорит корчмарь Неваде. Исторические катаклизмы отняли у Шимхи родное место. Его дом и корчма трансформируются в антидом, а сам он теряет корни, опору и уверенность.

Старая корчма Шимхи была будто маяком для странствующих между двух государств: «...пакуль не вызначана была і не адзначана цвёрдая лінія граніцы з Польшчай, гэтая карчма была тым пунктам, на які арыентаваўся кожны, хто хацеў цвёрда дазнацца, дзе савецкая зямля, а дзе ўладанні Польскай дзяржавы. Калі па гасцінцы ты ступіш ад карчмы крок на захад, дык апынішся ў Польскай дзяржаве, а крок на ўсход – будзеш на савецкай зямлі» [4, с. 230]. В корчме нет спокойствия, безопасности и постоянства. Она представляет собой временное место случайного объединения незнакомых людей, перекрестком и ночлегом для путников. Местоположение её определить затруднительно, будто она перемещается в пространстве, не имея конкретного адреса, и даже не принадлежит какому-либо государству: «Я апынуўся ў шчыліне паміж дзвюма дзяржавамі. Стадола і хата стаяць на савецкай старане, а града з рэдзкаю пры хаце і прызда пад вокнамі – гэта Польшча. Я яшчэ чакаю, што хлеў, дзе стаіць карова, будзе абвешчан нямецкім, а унь тая бяроза на гасцінцы ангельскай» [4, с. 233].

Перебродский концлагерь, в котором держали людей, является ярким показателем антидома. Его построили, чтобы даже не было попытки бегства, потому что поля, болота –

места, в которых можно легко и быстро расстрелять людей, а если кто-то и спрячется, то шанс выжить очень мал: «Гэта было месца поблізу тарфянога балота з куп'ём і наводдалек ад невялікага лесу. А з двух бакоў было поле. Вялікая прастора была абгароджана калючым дротам, навокал гэтай агароджы стаялі вартавыя салдаты», «Тут не было аніякага будынка, і толькі на полі за агароджай стаяў барак з дошак, дзе жылі салдаты...» [4, с. 340]. Атмосфера и настроение в концентрационном лагере антонимичны дому: громкий шёпот, голод, страх, смерть и проклятья в адрес захватчиков. Узники лагеря безжизненны и слабы из-за нехватки воды и еды. Над ними летают мухи, символизируя близость возможной смерти. Физически узники слабы и беззащитны, но силой духа они сильны, всемогущая несокрушимая энергия белорусского народа всё равно остаётся в их характере.

Л.Б. Карпенко дом рассматривает как воспоминание: «Дом в воспоминании – это обычно образ обители, приюта, того сокровенного места, которое удерживает сердце человека» [7, с. 10]. Память о местах детства – это то, что остаётся у героев романа Кузьмы Чорного «Поиски будущего». Кастусь Лукашевич сохраняет тёплые, трепетные воспоминания о своей «старой» родине, о родительском доме: «Раней смутак з'яўляўся ў яго парывамі. Цяпер ужо час прайшоў, востры боль душы прытупіўся. Час лячыў душу. Смутак аб бацьку, аб родным кутку, аб усім тым, што страцілася і што ўжо вярнуць было цяжка, і на гэта надзей не было – смутак аб гэтым ападаў і зменшваўся, і аставаўся без выбухаў і болю. Ужо з'яўляліся ў душы першыя адзнакі таго, што ўжо тут, на гэтым месцы, душа знойдзе радасць быць у сваёй радасці», «Гэта была мясцовасць, дзе як бы сышлося ўсё, да чаго ён прывыкаў некалі ў маленстве» [4, с. 208]. Кастусь Лукашевич нашёл новую малую родину, где создал свою семью: «Вострая радасць агарнула Волечку: яна не адна, тут ёсць асоба, з якою яны ўчора сталі ўдваіх як бы вялікімі на ўвесь свет змоўшчыкамі, разам яны як бы хацелі адгарадзіцца ад усяго свету, які для іх абаіх быў такім бязлітасным» [4, с. 191]. Кузьма Чорный иллюстрирует скорбь войны через трудности, которые приходится переживать детям, принимать взрослые решения. Писатель показывает, что белорусский народ сможет выстоять перед лицом смертельной опасности, несмотря на трагедию, которая обрушилась и украла их детство. Семья Лукашевич отображает твёрдость, непоколебимость и героизм белорусской нации.

Семья – дом – родина – это единая цепь, которая дополняет друг друга и неразрывно связана, сохраняя в себе важные элементы человеческого существования. Отец для Кастуся Лукашевича предстаёт и домом, и родиной: «Родныя мясціны на Вілейшчыне, куды яму прарочыў вярнуцца стары фельчар, звязваліся ў яго ўяўленнях з бацькам. Як жа ён вернецца туды, калі ўжо бацькі няма? А калі і вернецца, то цяпер гэта ўжо не тое будзе» [4, с. 201].

К сожалению, искать место в мире и строить новый дом пришлось и Сымону Ракуцько «...варта яму толькі зноў звіць сабе гняздо, як ён скіне з душы цяжар свой. Тым часам ужо і хата ў яго была новая, зноў новая, вокнамі на дарогу...» [4, с. 257]. Дом без семьи «не дышит» и не существует. Семья является «микромиром» для проживающих в нём, а дом, в свою очередь, может представляться как Космос. Кузьма Чорный показывает, что без семьи невозможно полностью представить человека в культурном пространстве.

Дом Олечки, в котором собрались разные люди, смог объединить их и раскрыть скрытые положительные черты характера даже старшего Густава Шредера: «...так нечакана сабраліся так непадобныя адзін на другога людзі, далёкія адзін ад аднаго і месцам на зямлі, і прывычкамі, і звычкамі, і жаданнямі, і натурай» [4, с. 198]. Враг, который пришёл уничтожать, истреблять, вдруг внезапно обнимает Олечку, желает ей счастья и даже отказывается от своей мечты – иметь свой дом в Германии: «Але ён, і не чуючы і нічога не слухаючы, гледзячы сам у сваю душу, раптам прыгарнуў да сваіх грудзей Волеччыну галаву, і твар яго перасмыкнуўся момантным рухам шчасця», «...каб ты была шчаслівая за маю радасць», «твар яго свяціўся радасцю», «а ўсё золата, якое толькі ёсць на свеце, – нікчэмная драбязя і непатрэбшчына перад самім жыццём» [4, с. 202]; «...гэта адзіны раз у жыцці ў мяне так ірванулася душа...» [4, с. 220]. Дом Олечки, атмосфера и настроение в нём, её уют и забота смогли показать Густаву, что важнее всего жизнь и радость, которую приносит каждый прожитый день. Доброта Олечки открыла, проявила чувства немца, которые, возможно, не были

им пережиты когда-либо: «Здавалася, што няма на свеце ні вайны, ні выгнанства, а толькі радасць чалавека жыць сваёю воляй» [4, с. 203]. Но за пределами дома на каждого из героев влияет уже враждебный мир, который способствует нивелировке нравственных чувств.

Т.Б. Щепанская дороге противопоставляет дом: «Противопоставление дороги и дома находит своё выражение в представлениях об опасности, которую дорога несет для дома и его обитателей» [8, с. 28]. Дорога контрастирует с образом дома. Если дом – это стабильное, устоявшееся и статистическое место, то дорога представляется динамичной, опасной и сложной. Кастусь Лукашевич помогал Олечке, радовался, что можно отложить поиск своего дома, не понимая, что он нашёл то, что искал: «Ён прымацован да нейкай справы, і надалей адышла неабходнасць выбірацца ў невядомую дарогу шукаць немаведама чаго ў беспрытульным свеце» [4, с. 192]. В дороге умер его отец, сделав его, уже будучи бездомным, ещё и сиротой: «У мяне бацька на дарозе памёр» [4, с. 215]. Одиночество, страх будущего, душевное смятение – это чувства, которые сопровождают человека в дороге. Фельдшер, которого привёз Кастусь Лукашевич к Олечке в хату, дал ему совет: «Кожная дарога куды-небудзь вядзе, але ты выбірай тую, якая не вядзе ў прорву» [4, с. 198]. Жизненный путь – вечная дорога, но следует всегда понимать, куда ты идёшь и не совершать то, что может привести тебя в пропасть, как Люциана Околовича.

В уста Кастуся Лукашевича Кузьма Чорный вкладывает мысль о непобедимости и непоколебимости белорусского народа: «...за гэтую пакуту маю нямецкімі галовамі выбрукаваў бы дарогу, па якой яна ішла б у свой шчаслівы дом» [4, с. 308]. Писатель изображает войну, где страдают дети, родители стремятся избавить их от беды, горя и разочарований.

Для Невады дорога предстаёт не как сложный и долгий путь, а возможность освобождения родины и внучки из немецкого плена: «...гэтая мая дарога будзе не меншая, як тая, што я некалі з нямецкага палону варочаўся, не нагамі я гэтую дарогу мераць буду, а душою» [4, с. 313]. С надеждой на спасение своей внучки Невада шёл к Поливодскому: «...ужо больш і не правяраў свае дарогі, а ішоў ад нейкага свайго чуцця» [4, с. 344]. Кузьма Чорный через образы героев романа пытается передать переживания, которые человек ощущает во время войны. Автор стремится раскрыть, описать характер всей белорусской нации.

Кузьма Чорный заканчивает роман «Поиски будущего» тем, чем и начал: немцем, старшим Густавом Шредером, но уже мёртвым: «Шрэдр увайшоў у сад, дзе густа стаялі голыя дрэвы, і зямлі была зацярушана мерзлым лісцем», «Чалавек не слухаў, прыцеліўся і стрэліў. Шрэдр упаў і сканаў, лежачы, праз хвілін паўтары» [4, с. 373]. Олечку уже не пугает возможность убийства или смерти немца в её доме, как было в её юности: «Гэта ж мая хата. Лепш жа, калі ён сам адсюль выйдзе, чым мёртвы заваліць мне хату. Што я тады з ім рабіць буду» [4, с. 194]. Жизненный цикл всех событий окончился. Двор – продолжение дома, но уже не имеет такую значимую цену, как сам дом. Двор граничит с внешним миром, оберегая и защищая пространство, дорогу к дому, являясь дополнительной преградой перед входом в жилище.

Наступает исторический перелом, когда сожжённые дома станут памятником ушедшему страшному времени на белорусской земле. В контексте войны топоним *дома* используется как демонстрация разрыва между прошлым и будущим.

В романе «Поиски будущего» Кузьма Чорный отразил историческую драму белорусского народа. Как отмечает А.Н. Мельникова, «Кузьма Чорны ў сваіх творах імкнуўся асэнсаваць найбольш значныя моманты нацыянальнай гісторыі першай паловы XX стагоддзя, спасцігнуць вытокі нацыянальна-духоўнай трываласці» [9, с. 157–158]. В романе писатель рисует картину, когда родные места залиты кровью и охвачены огнём, огромное количество людей стало бездомными, они потеряли свой кров, но не потеряли родину, а значит и поддержку от предков. Образ дома является одним из важнейших объектов изучения в литературе для осмысления и раскрытия белорусского народа. Топос *дом* в романе представлен с драматического, трагического аспекта человеческого существования. Дом показывается не только как место проживания семьи, рода, а как одно из ключевых мест, в котором сохраняются традиции и память о предках. Представление о доме существует не только в сознании отдельного человека, но также в сознании целой нации. Прямое лексическое значение дома является основой рассмотрения метафорических значений и индивидуальных образов героев романа, связанных со своим внутренним миром, который противопоставляется чужому.

Литература

1. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство. – СПб, 1994. – 399 с.
2. Тучкова, Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (19–20 вв.) : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Тучкова Наталья Анатольевна. – Томск, 1999. – 202 с.
3. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1990. – 207 с.
4. Чорны, К. Раманы. Апавяданні. Дзённік / К. Чорны. – Мінск : Мастацкая літ-ра, 2025. – 462 с.
5. Лобач, У. Міф. Прастора. Чалавек : традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сяміятычнай перспектыве / У. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.
6. Плотникова, А. А. Дом / А. А. Плотникова, В. В. Усачёва // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1997. – Т. 2. – С. 116–122.
7. Карпенко, Л. Б. Дом как воспоминание / Л. Б. Карпенко // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19–20 нояб. 2009 г. : в 2 ч. / отв. ред. Г. Ю. Карпенко. – Самара : Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – С. 9–16.
8. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М. : «Индрик», 2003. – 528 с.
9. Мельнікава, А. М. Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя / А. М. Мельнікава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 214 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 20.03.2026